

И. Ф. МАРТЫНОВ

**ЖУРНАЛИСТ, ИСТОРИК И ДИПЛОМАТ XVIII ВЕКА
ГРИГОРИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ БРАЙКО**

В один из последних январских дней 1778 г. в вольной типографии академического книгопродавца И. Я. Вейтбрехта, находившейся в подвале дома олонецкого купца Ф. В. Попова на Мойке у Синего моста, был отпечатан первый номер нового журнала «С.-Петербургский вестник». Он выходил три с половиной года (1778—июль 1781 г.).

До середины XIX в. не существовало единого мнения о том, кто был редактором этого журнала. Иоганн Бернулли в книге о своем путешествии по России называет редактором «Вестника» Б. Ф. Арндта.¹ Н. А. Добролюбов в своих библиографических примечаниях к статье о «Собеседнике любителей русского слова» отмечал, что Н. И. Греч, а за ним ряд других авторов совершенно бездоказательно приписывали издание «Вестника» И. Ф. Богдановичу, хотя сами материалы журнала опровергают это предположение.² И только Евгений Болховитинов, близко знакомый с бывшим сотрудником «С.-Петербургского вестника» Г. Р. Державиным, положил конец этим спорам, назвав в своем «Словаре» имя его подлинного редактора — Г. Л. Брайко.³ Совсем недавно нами обнаружено письмо издателя немецкого «St.-Petersburgisches Journal» (1776—1785 гг.) Б. Ф. Арндта к Г.-Ф. Миллеру от 9 октября 1778 г. с просьбой принять Брайко в члены Вольного Российского собрания при Московском университете. Оно подтверждает, что Г. Л. Брайко действительно был главным редактором «С.-Петербургского вестника», но в этой работе ему активно помогали известный русский поэт и драматург XVIII в. Я. Б. Княжнин и сам Арндт.⁴

¹ *Bernoulli J. Reisen durch Brandenburg, Pomern, Preussen, Curland und Pohlen, Bd. IV. Leipzig, 1780, S. 66.*

² *Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова».* — Собр. соч. в 3-х т., т. 1. М., 1950, с. 76—77; ср.: С.-Петербургские ведомости, № 28, 5 апреля 1804 г., известия, с. 874.

³ *Евгений [Е. А. Болховитинов]. Словарь русских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I. М., 1845, с. 117.*

⁴ Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 3, д. 6, л. 23—24. Об участии

Точная дата рождения Г. Л. Брайко в настоящее время неизвестна. На основании ряда косвенных свидетельств можно предположить, что он родился в начале 1740-х гг. Происходил Г. Л. Брайко из состоятельной украинской дворянской семьи, «из малороссийского шляхетства»,⁵ что позволило ему в дальнейшем обучаться «на собственном кошту» в лучших учебных заведениях Киева, Петербурга и Германии.

К 1763 г. Брайко — студент Киевской академии, слушатель школы философии. «В бытность свою он, Григорий Брайко, при той Академии учеником весьма прилежного «и» похвального состояния был», — писал в аттестате его куратор Академии.⁶ Скучные сведения, имеющиеся в сборнике официальных документов Академии о студенте школы философии Григории Брайко, мало что говорят нам о юношеских годах будущего редактора «С.-Петербургского вестника». Наиболее интересно доношение 22 студентов школы философии Киевскому митрополиту Арсению Могилянскому с жалобой на грубое обращение с ними префекта Орловского. Среди подписавших это обращение — Григорий Брайко «вский».⁷

Это довольно симптоматично, так как в 60-х гг. XVIII в. качество преподавания в Киево-Могилянской академии резко ухудшилось. Поэтому некоторые воспитанники Киевской академии, имеющие склонность к научным занятиям, не удовлетворившись полученными в ней знаниями, продолжали учебу в Московском и академическом Петербургском университетах.

Так же поступил и Григорий Брайко. Весной 1764 г. он приехал в Петербург, а 19 марта подал просьбу о зачислении студентом «на своем содержании» в Академический университет. Здесь его экзаменовал профессор И. Браун, преподававший в университете философию и физику. Профессор отметил, что Г. Брайко «в латинском языке успел и может разумеать академические лекции, почему достоин принят быть студентом», и 1 апреля он был зачислен в университет, где обучался «юриспруденции и другим наукам».⁸ Интересно отметить, что 10 июня того же 1764 г. в университет был принят второй студент Киевской академии Семен Иванович Гамалея.⁹

Однако учение его в Петербурге продолжалось, вероятно, пе-

Я. Б. Княжнина в издании «С.-Петербургского вестника» см. также: *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895, с. 79.

⁵ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237.

⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 826, л. 288, 291.

⁷ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Отд. 2 (1721—1795 гг.). Т. 3. Царствование Екатерины II (1762—1796 гг.). Киевский митрополит Арсений Могилянский (до 1770 г.). С введением и примечаниями Н. И. Петрова. Киев, 1906, с. 29.

⁸ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 826, л. 288, 289, 291; д. 827, л. 88 об.; ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 608, л. 445; ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237.

⁹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 826, л. 312.

долго. В 1765 г. несколько казеннокоштных студентов были отправлены на учебу за границу в Геттингенский университет.¹⁰ В это же время выехал для продолжения занятий «на собственном иждивении» в Геттингенском и Кильском университетах и Г. Л. Брайко.¹¹

Геттингенский университет значительно отличался от старых германских университетов. Светские «государственные», исторические, естественные науки преобладали в нем над богословской схоластикой. При университете издавалось несколько научных журналов («Göttingische gelehrte Anzeigen», «Allgemeine historische Bibliothek»), имелась великолепная библиотека. Все это определило значение Геттингенского университета как одного из крупнейших культурных центров эпохи Просвещения.

Лекции профессоров историографов И. Х. Гаттерера, Г. Хр. Гамбергера, поборника свободы книгопечатания, философа И. Г. Г. Федера пробудили в нем интерес к историографии и политическим наукам, научили критически оценивать прочитанное.

Возвратившись в начале 1770-х гг. в Петербург, Брайко сразу же активно включился в литературную и научную жизнь столицы. В эти годы «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» осуществляло перевод на русский язык монументального географического труда видного немецкого ученого А. Ф. Бюшинга, пользовавшегося заслуженной известностью во многих странах Европы. В 1772 г. вышел в свет изданный «Собранием» отрывок из «Землеописания» Бюшинга, переведенный Г. Л. Брайко с французского языка. — «Королевство Аглинское, или Великобритания и Ирландия».

С 1773 г. по 1778 г. кабинетный регистратор Брайко служил переводчиком под начальством князя М. М. Щербатова в архиве с делами императора Петра Великого.¹² Можно предполагать, что политические и исторические концепции Щербатова оказали определенное влияние на его молодого сотрудника.

Работа в архиве сыграла важную роль в жизни Брайко, она открывала перед ним возможности пополнить свои знания в области истории, юриспруденции и дипломатии. Помимо знакомства с богатейшим архивным фондом Петра I, Щербатову и его

---

¹⁰ История Академии наук СССР. Т. I (1724—1803) М.—Л., 1958, с. 420, 423.

¹¹ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237. Правда, следует отметить, что в списке студентов, обучавшихся в XVIII в. в Кильском университете, фамилия Брайко отсутствует, см.: Грот Я. К. Несколько ученых заметок во время заграничного путешествия. 1860. — В кн.: Грот Я. К. Труды, т. 5. СПб., 1903, с. 68—78. Как сообщили нам из архива Геттингенского университета (ФРГ), матрикул студента Брайко там тоже не сохранился.

¹² ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 608, л. 445; ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237.

подчиненным был открыт с разрешения Екатерины свободный доступ во все государственные библиотеки и архивы.¹³ И Брайко использовал эти возможности. В аттестате, данном ему Щербатовым, последний так отзывается о молодом чиновнике: «...он, Брайко, при разобрании помянутого архива находился в должности переводчика и во время без мала шестилетней бытности употреблен был при нем, как для разобрания и переводов писем Петра Великого, так и других, вверенных ему, князю Щербатову, секретных писем, отказывая в должности великое трудолюбие и прилежность, и вел себя так, как должно честному человеку».¹⁴ На основании этого отзыва можно почти с полной уверенностью констатировать участие Брайко в издании собрания писем и распоряжений Петра I за 1704—1706 гг. с предисловием и примечаниями Щербатова, вышедших в 1774 г.

В начале 1778 г. Брайко подал прошение в Сенат, выражая «желание продолжать службу при иных делах». Указом Сената от 13 февраля 1778 г. он был направлен в Коллегию иностранных дел и «за добропорядочную, усердную службу» ему дали чин титулярного советника.¹⁵

В эти же годы Г. Л. Брайко наиболее активно выступал на литературном поприще. В 1776 г. он поместил в журнале «Собрание новостей», издававшемся И. Ф. Богдановичем, свой перевод с латинского языка сочинения Эразма Роттердамского «Разговор, содержащий жалобу на супружество между Евлалиею и Ксантиптою».¹⁶

Сотрудничество в журнале И. Ф. Богдановича стало хорошей школой для будущего редактора «С.-Петербургского вестника». «Собрание новостей» было изданием нового типа — по сути дела первым в России универсальным журналом, предназначенным для широкого круга образованных читателей.¹⁷ Разнообразие его материалов, обилие злободневной информации, четкое разграничение разделов, доступность этих материалов рядовому читателю — вот те качества, которые отвечали требованиям, предъявлявшимся к такого рода периодическим изданиям в европейской журналистике середины XVIII в. Лучшие находки «Собрания» в области формы были творчески использованы более прогрессивными русскими журналами, и в частности «С.-Петербургским вестником». Эти достоинства журнала Богдановича и обеспечили ему определенный успех у читающей публики. Однако с 1777 г. издание «Собрания новостей» прекратилось.

---

¹³ *Ешевский С. В.* О повреждении правов в России. (Сочинение кн. М. М. Щербатова). — В кн.: *Ешевский С. В.* Соч. по русской истории. М., 1900, с. 274.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237 об.

¹⁵ Там же, л. 238—240.

¹⁶ Собрание разных сочинений и новостей, 1776, сентябрь, с. 3—26.

¹⁷ См.: *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 320—326.

Петербург остался на год без сколько-нибудь значительного русского политического и литературного журнала. Тогда и была предпринята Г. Л. Брайко попытка объединить молодых столичных литераторов вокруг нового журнала «С.-Петербургский вестник».

Уже во «Фрагментах, или мыслях, взятых из разных авторов. Вместо предисловия» — собрании цитат, которым редакция заменила вводную статью, она решительно заявила о своем праве давать критическую оценку явлениям современной общественной жизни: «Почто хотят воспретить живущему свету судити наши дела, когда потомства суд тем строжае будет». ¹⁸ И далее устами полумифического короля древней Англии Альфреда провозглашалась политическая программа журнала: «Истина того требует, чтобы народ пребывал всегда столько же волен как его мысль». Правда, опасаясь вмешательства цензуры, редакция поспешила оговориться, что имеется в виду вольность, «управляемая благоразумием и законами», и что «честный человек иной свободы не знает» (ч. I, с. 13).

К какому бы из разделов журнала мы ни обратились, везде мы наталкиваемся на мысли и сопоставления, заставлявшие глубоко задуматься современных читателей. На страницах «С.-Петербургского вестника» были затронуты самые острые и злободневные общественно-политические и философские проблемы того времени.

Уже в одном из первых номеров журнала в отрывке из сочинения Х. М. Виланда «Александр и Диоген» в переводе Г. Л. Брайко прозвучала филиппика против неограниченного закона абсолютизма: «Человек все легче может снести, кроме неограниченной власти. В то самое мгновение ока, в которое ты, подвергнувшись искушению, допустишь ласкателям твоим себя уверить, что ты более человека, совершится конец твоей славы и погибель твоей добродетели. Тогда ты великие твои дела затмишь пороками, которые ясно докажут, что ты не иной кто, как смертный» (ч. I, с. 367).

В официальном отделе «С.-Петербургского вестника» наряду с придворной хроникой помещалось сообщение о том, что польский князь Франц Сулковский объявил всех своих крепостных крестьян вольными и укрепил им в собственное владение их усадьбы, которыми они, яко подданные, временно только владели» (ч. III, с. 411).

Даже внешне безобидный анекдот в те годы приобретал политическую окраску: «Норвежцы и ныне говорят государю своему „ты“. В новейшие времена крестьянин, пришед к одному из сих государей с книгою в руках, сказал: „Вот твоя книга, возьми ее

---

¹⁸ С.-Петербургский вестник, 1778, ч. I, с. 14. Далее ссылки на этот журнал в тексте с указанием части и страницы.

назад, мы не имеем в оной больше нужды, ибо она не паблюдается“. Сия книга была „Норвежское уложение“» (ч. VI, с. 206—210).

Обличая пороки придворных «мурз», издатели «Вестника» видели единственную опору государства в мелкопоместном дворянстве, в служилых людях, в купечестве, которым нечего ожидать «не от чего другого, как от собственных своих прилежаний и искусства» (ч. IV, с. 180). Этим объясняются и рассуждения о том, «коликo блаженно среднее людей состояние», в переведенном Г. Л. Брайко рассуждении «О домашнем благосостоянии» (ч. I, с. 429), и восторженные отзывы в критико-библиографическом отделе о трудах выходцев из третьего сословия Франции Ж. Б. Кольбера и Ж. Неккера (ч. I, с. 401—403), и похвалы в адрес русских купцов-филантропов.

Далекие от атеизма, Брайко и его сотрудники внимательно следили за новейшими открытиями естествознания, с возмущением протестовали против возобновления аутодафе в Португалии (ч. II, с. 400) и других проявлений фанатизма и мракобесия, убежденно заявляли, что «действия и следствия суеверия» почитают «несравненно вреднее действий и следствий безверия» (ч. II, с. 306).

Таким был «С.-Петербургский вестник», призванный, по замыслу его редактора Г. Л. Брайко, стать вестником русского Просвещения, «утвердить знакомство здешней ученой республики сочленов и приятелей между ими». С первых дней возникновения журнала Брайко широко привлек к сотрудничеству в нем передовую дворянскую молодежь.

Кто же были эти лица? Прежде всего при изучении состава сотрудников «С.-Петербургского вестника» бросается в глаза тесно сплоченная группа: Г. Р. Державин, Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Хемницер, М. А. Дьякова и, возможно, некоторые другие.

Ряд современных исследователей в последнее время¹⁹ прямо указывают на то, что именно вокруг «С.-Петербургского вестника» группировались участники львовско-державинского кружка. Нам представляется, что Державин и его единомышленники не только «группировались» вокруг журнала, но и определяли его литературно-общественные позиции. Начиная с середины 1779 г. их сочинения регулярно появлялись на страницах «С.-Петербургского вестника», более того, некоторые номера (ноябрьский 1779 г.,²⁰ августовский и сентябрьский 1780 г.) почти

¹⁹ См.: Поэты XVIII века, кн. 2. Л., 1958.

²⁰ В нем напечатана эпиграмма М. А. Дьяковой о баснях И. И. Хемницера (с. 360) и анонимные статьи «Письмо к одному из издателей Вестника» (с. 356—359), где содержится глубокий анализ творчества французского художника Греза, «История архитектуры» (с. 328—337) и рецензия на книгу «Новый Виньола» (с. 365—367). Изучение этих анонимных статей, сопоставление их с известными нам сочинениями и фактами биогра-

целиком заполнялись стихотворениями, статьями и рецензиями участников львовско-державинского кружка. Несомненно, что они «не были противны плану и правилам», принятым издателями «Вестника».

Большинство молодых сотрудников «Вестника», не связанных тесными дружескими узами с Державиным и Львовым, разделяли их философские и политические позиции; среди последних назovem журналиста и переводчика Б. Ф. Арндта, врача А. Г. Бахерахта, историка П. П. Бекетова и др.

До настоящего времени наше литературоведение почти совсем не затрагивало вопроса о характере многочисленных журналов, издававшихся в XVIII в. в России на немецком языке, о их взаимодействии с современной им русской периодикой. Такое невнимание сужает возможности воссоздания стройной системы становления и развития русской журналистики. Это отчетливо видно на примере двух журналов: русского «С.-Петербургского вестника» и немецкого «St.-Petersburgisches Journal», издававшегося с конца 70-х гг. XVIII в. ижживением академического книгопродавца И. Я. Вейтбрехта. Редактором первого был Г. Л. Брайко, редактором второго — Б. Ф. Арндт. При самом беглом ознакомлении с содержанием этих журналов бросается в глаза озаможное сходство их формы и содержания. Интересен уже тот факт, что в декабре 1777 г. в начавшем выходить несколько раньше «St.-Petersburgisches Journal» появилась подробная программа «С.-Петербургского вестника».²¹ Материалы одного журнала часто перепечатывались другим.

В «С.-Петербургском вестнике» появлялись переводы и рецензии Б. Ф. Арндта; возможно, он был даже редактором его официальной части, а затем и всего журнала в последние месяцы его существования. Изучение материалов журнала Арндта дает основания считать, что и Г. Л. Брайко был автором некоторых материалов, опубликованных в «St.-Petersburgisches Journal».

В отличие от большинства современных журналов «С.-Петербургский вестник» не только печатал художественные произведения, философские рассуждения и научные статьи, но и «постоянно следил за новостями политики и литературы».²²

фий И. И. Хемницера и Н. А. Львова позволяют предположить, что они и были их авторами. Ср., например, «Письмо к одному из издателей Вестника» с заметками И. И. Хемницера о посещении 2 апреля 1777 г. мастерской Греза (см.: *Хемницер И. И. Дневник путешествия по Европе*. — Соч. и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биографической статьей и примечаниями Я. Грота. СПб., 1873, с. 376—377). Сюжет одной из картин Греза лег в основу басни И. И. Хемницера «Два семейства», в сноске к которой он замечает о Грезе — «нашего века исторический живописец» (там же, с. 130—131), и вызвал к жизни не опубликованное Г. Р. Державиным стихотворение 1780 г. «Счастлиное семейство. Преложение 127-го псалма».

²¹ St.-Petersburgisches Journal, 1777, Bd 4, S. 476.

²² Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей российского слова», с. 11.

В первой части журнала помещались «мелкие сочинения для увеселительного чтения», русские и переводные, статьи по географии, истории, медицине, сообщения о новых открытиях и изобретениях, сведения о памятниках искусства, статистические данные. Особое место занимал в журнале хорошо поставленный критико-библиографический отдел, «довольно полный и дельный для своего времени», как отмечал Н. А. Добролюбов.²³ На страницах политического отдела печатались императорские указы, придворная хроника, сведения о служебных назначениях, а кроме того, зарубежные новости и книготорговые списки новых французских и немецких книг.

Конечно, нельзя сводить участие Г. Л. Брайко в «С.-Петербургском вестнике» только к роли организатора. Его перу принадлежит ряд интересных переводов, которые он и поместил в своем журнале. Это отрывки из сочинений К. М. Виланда «Диоген и Херей», «Глисерион», «Александр и Диоген», «Диоген и Бахид», «Сновидение о златом веке», «Кривой толк» и «Защитные веселия» (напечатанных в журнале «Der Deutsche Mercur»), идейно близких ему своей апологией умеренности, отвращением к интригам большого «света», верой в торжество «здорового смысла» (ч. I, с. 120—128, 203—215, 353—357, 361—369, 437—448; ч. II, с. 179—187, 243—252, 346—353). Созвучны им по духу и рассуждение «О домашнем благосостоянии», переведенное с французского языка, философские идиллии Клейста «Ирин» и Галлера «Вечность» (ч. I, с. 426—437, 455—459; ч. II, с. 413—418). Несколько в стороне стоит отрывок из путешествий П. Брайдона «Описание горы Этны», первое сочинение по географии, переведенное Брайко после «Королевства Аглинского» (ч. I, с. 120—128).²⁴

Но наиболее интересны критические отзывы Г. Л. Брайко, помещенные в разделе «Известия о новых книгах» (всего за 3,5 года в журнале напечатано 169 рецензий на новые книги). В них с наибольшей полнотой нашли отражение его научные, эстетические и философские взгляды. Они характеризуют Брайко как эрудированного и вдумчивого ученого, принципиального борца против схоластики и суеверия, последовательного просветителя. Видимо, он не только как переводчик научился передавать содержание произведений великих гуманистов Возрождения и западноевропейских просветителей, но и чутко улавливал и пересмыслял идеи, в них заключенные. Талантливый полемист, Брайко метко и тактично указывал на слабые места рецензируемых произведений, вскрывал самую суть заблуждений своих литературных и идейных противников.

²³ Там же.

²⁴ Перевод отрывка из кн.: *Voyage en Sicile et à Malthe, par Bridon, traduit de l'anglois, vol. I. Paris, 1775.* Полный русский перевод книги П. Брайдона был напечатан в 1795 г. в типографии Московского университета,

В предисловии к критико-библиографическому отделу Г. Л. Брайко удачно подметил особенности жанра журнальной рецензии, подчеркнул его неоспоримые достоинства, указал на специфические трудности, четко сформулировал основные правила рецензирования новых книг (ч. I, с. 56—58).

Предисловие к «Известиям о новых книгах» является любопытным памятником критико-библиографической мысли XVIII в. Знакомство его автора с западноевропейскими и русскими журналами помогло ему ясно осознать ту чрезвычайно важную роль, которую играла и играет квалифицированная и оперативная критико-библиографическая информация в научном прогрессе, в расцвете литературы, в формировании общественной мысли. Отдавая себе отчет в том, что критика и журнальная библиография, будучи новыми явлениями в культурной жизни России, могут в течение длительного времени встречать непонимание, а подчас и предубеждение литераторов и читателей (что и случилось с некоторыми рецензиями «Вестника»), редактор журнала выдвигал весьма разумные и логичные правила рецензирования новых книг. Объективные достоинства и недостатки рецензируемых книг, а не сан автора и личные к нему симпатии и антипатии должны определять позицию критика или библиографа при их анализе.

Большого внимания заслуживает стремление редакции «Вестника» стать искренним другом и советчиком писателей, бережно отнестись к росткам нового в русской литературе, поощрять молодых авторов. Однако это не значит, что критика в журнале была добродушно-беззубой.²⁵ Наоборот, многие рецензии «С.-Петербургского вестника» были одними из самых острых и полемических в русской журналистике XVIII в. Рецензенты его критико-библиографического отдела, чуждые мелочным придиркам и личным выпадам, последовательно отстаивали свои эстетические и научные позиции, непримиримо выступали против ремесленничества в литературе.

Так, например, трудно назвать добродушно-беззубой полемику с И. Ф. Богдановичем в связи с отрицательным отзывом Г. Л. Брайко о его книге «Историческое изображение России».²⁶ Большой знаток документальных источников по истории России, Брайко справедливо упрекал Богдановича в несколько легкомыс-

---

²⁵ Глубоко неправы И. И. Иванов и П. О. Морозов, утверждавшие, что издателям «Вестника» не хватало «решительности в приговорах» (*Иванов И. И.* История русской критики, ч. 1—2. СПб., 1898, с. 167; *Морозов П. О.* Минувший век. Литературные очерки. СПб., 1902, с. 256—257).

²⁶ См. рецензию Г. Л. Брайко: С.-Петербургский вестник, 1778, ч. II, с. 55—61; «Письмо от сочинителя „Исторического изображения России“ к его неизвестному Вопросителю». — С.-Петербургские ведомости, 1778, № 64, 10 августа, прибавление, с. 563—569; ответ на это письмо: С.-Петербургский вестник, 1778, ч. II, с. 145—164. (См. об их полемике письмо Б. Ф. Арядта к Г. Ф. Миллеру от 9 октября 1778 г.; Архив АН СССР, ф. 24, оп. 3, д. 6, л. 23—24).

ленном отношении к этим источникам в историческом сочинении, пусть и беллетризованном.

С несравненно большей теплотой он отзывался о «Повествователе древностей российских» Н. И. Новикова: «Сие сочинение может быть почтено продолжением „Древней Российской Вивлиофики“, которая от 1773 до 1775 года издана оным же ученым человеком, оказавшим тем великую услугу нашей истории» (ч. I, с. 59). Эта оценка историографических трудов Новикова тем более характерна, что издатели «С.-Петербургского вестника» в дальнейшем очень сдержанно отнеслись к его масонской деятельности. Так, по поводу масонского сочинения «Крата Репоа, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов», изданного в Москве Н. И. Новиковым (и впоследствии конфискованного при его аресте), Брайко писал: «Есть люди, которые под сими завесами древности ищут иные важные тайности, но они, может быть, весьма ошибаются, не признавая преимущественного сияния света (т. е. науки, — *И. М.*), наши времена освещающего» (ч. IV, с. 369).

Эта рецензия вызвала резкую отповедь на страницах новиковского масонского журнала «Утренний свет». В одной из программных статей журнала «Письме Н. Н. Иностранца к издателям „Утреннего света“» ее автор, вероятно сам Н. И. Новиков, обвинил рецензентов «С.-Петербургского вестника» в недобросовестной критике, в верхоглядстве, в неспособности подняться до понимания масонских таинств: «За несколько времени перед сим издано малое сочинение, под именем „Крата Репоа“, о таинствах древних. Я слышал об оном весьма различные суждения. Читатели оные суть иные знающие, хотя их очень мало, кои молчат, или объявляют свое рассуждение так, как прилично рассуждающему человеку, под условием и с осторожностью, другие, представляя себя всезнающими и неправильно затвердя некоторые из различных наук ученые слова, говорят утвердительно и уверительно голосом, и понеже незнание их препятствует им при доказательствах и доводах, если б хотя мало были сговорчивы, почувствовать свое заблуждение, то заглушают они разумных людей и удерживают преимущество при неведящем, который заключает о справедливом или ложном по твердости голоса и по окончании речи».²⁷

И все-таки редакции «Утреннего света» трудно было парировать меткое замечание своего петербургского оппонента о том, что ныне «храм наук отверст, все части оных каждому известны, и оные в тогдашние (в древние, — *И. М.*) времена толь важные таинства теперь почти уже ни от кого не скрыты, ибо что иное содержалось в оных, как что кошка и собака, которых они почитали за богов, не были боги, но точно были кошка и собака?»

Вместе с тем Г. Л. Брайко и его сотрудники не считали масонов своими врагами. Не приемля каббалистической зауми, они

---

²⁷ Утренний свет, 1780, ч. VIII, февраль, с. 176—182.

с явной симпатией относились к их программе нравственного раскрепощения человека.

Большинство исследователей русской журналистики XVIII в., начиная с Н. А. Добролюбова, высказывали вполне правдоподобное мнение, что «С.-Петербургский вестник» был насильственно закрыт екатерининским правительством.

Появление на страницах «С.-Петербургского вестника» переложения 81-го псалма Г. Р. Державина, вырезанного по распоряжению властей (ч. VI, с. 315), острой сатиры «на лица» В. В. Капниста (ч. V, с. 446—447), отдельных рецензий и сообщений в официальном отделе вызвало, по-видимому, охлаждение Екатерины II к журналу. Возможно, что в какой-то момент «С.-Петербургский вестник» находился даже под угрозой закрытия. Это заставило его издателей срочно перестраиваться.

«Некоторые обстоятельства побуждают издателей оного с переименованием года, переменить и план оного, о чем в следующем месяце пространно объявлено будет», — писали они в конце того номера, откуда была вырезана ода Державина (ч. VI, с. 387). Обещанного разъяснения в декабре 1780 г. не последовало, зато почти целый номер заняло сочинение С. Лещинского «Разговор европейца с островским жителем королевства Дюмоклы» — восторженный панегирик мудрому монарху, у которого и все вельможи являют примеры добродетели (ч. VI, с. 391—429). В последние полгода своего существования журнал совсем зачах.

Не эти ли причины побудили Брайко летом 1781 г. сообщить, что «разные непредвиденные обстоятельства, помешав порядочному „С.-Петербургского вестника“ изданию, принуждают издателей оного окончить оное седьмою, или нынешнего года первую частью» (ч. VII, с. 1).²⁸

К тому же дипломатическая деятельность Г. Л. Брайко оставляла ему все меньше времени для литературной работы. Императорским указом от 23 апреля 1781 г. он был переведен «в секретари осьмого класса из секретарей капитанского ранга», а 25 января 1783 г. назначен советником русского посольства в Венеции.²⁹

Характерно, что в скором времени покинули Петербург почти все участники кружка Львова—Державина. Указом от 23 апреля 1781 г. секретарь осьмого класса Николай Львов был назначен советником русского посольства в Дрездене.³⁰ В 1782 г. И. И. Хем-

²⁸ Характерно, что с 1 июня 1781 г. прекратилось, вероятно не без вмешательства властей, издание другого петербургского журнала — «Академические известия».

²⁹ Архив внешней политики России, ф. «Внутренние коллежские дела», д. 5004 (1770—1796 гг.), л. 237; *Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2 (Германия и Италия)*. М., 1896, с. 265; ср.: *Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. 2. Варшава, 1897, с. 392.*

³⁰ Архив внешней политики России, ф. «Внутренние коллежские дела», д. 5004 (1700—1796 гг.), л. 237.

нищера отправили генеральным консулом России в Смирну с ее губительным климатом, где он вскоре и умер. В 1783 г. вышел в отставку В. В. Капнист и уехал в родовую деревню Обуховку, где жил безвыездно до смерти Екатерины II. «Изгнанный мурза» Державин был не в почете при дворе, и вскоре под благовидным предлогом, наградив должность Олонецкого губернатора, его отправили подальше от столицы под присмотр Тутолмина. Все это очень напоминает практиковавшуюся еще во времена Кантемира почетную ссылку, насильственное отстранение от литературной деятельности.

В «Собеседнике любителей российского слова» приняли участие почти все бывшие сотрудники «С.-Петербургского вестника», кроме... его редактора. Более того, из писем А. Р. Воронцова к брату Семену Романовичу, послу России в Венеции и начальнику Брайко, явствует, что последнему прямо запрещено было заниматься литературной, и в частности переводческой, деятельностью.

4 мая 1784 г. А. Р. Воронцов писал брату: «Я прошу Вас передать привет г-ну Брайко и уверить его, что я не оставляю без внимания ничего, что может послужить ему на пользу, а что Вы писали, что его для переводов будете употреблять у себя, то я не советую, особливо если здесь о сем проведуют. Оно столько может повредить, что Вы и представить себе не можете, ибо о нем и теперь бывают напоминания неприятные, так как и недавно то случилось, Вы знаете, что я ему сам добра желаю».³¹

Опасность, угрожавшая Брайко и его начальнику, была, вероятно, достаточно серьезной, потому что в одном из следующих писем А. Р. Воронцов снова повторял: «В одном из писем Ваших, упоминая о ненадобности Вам Лизакевича, что Вы на переводы можете употреблять Брайко, я считаю своим долгом Вам сказать, что если б о сем здесь сведения, это бы Вам нанесло значительный вред, ибо у Вас нет даже представления, как он здесь погублен. Как недавно объяснялись здесь по его поводу, некто его назвал. Оно б могло Вам прямо повредить. Вы знаете, сколько такие вещи иногда здесь действуют».³²

Для С. Р. Воронцова, который, как и его брат А. Р. Воронцов, находился в негласной оппозиции к правительству, и в частности был непримиримым противником Потемкина, назначение в 1782 г. полномочным министром России в Венецию было тоже своего рода почетной ссылкой.

Венеция в то время была «задворками» Европы, она сильно отстала экономически, ведущие отрасли ее промышленности пришли в упадок, традиционные рынки переместились в другие страны. Олигархический режим привел в скором времени республику к гибели, к австрийскому рабству. Правда, Венеция представляла некоторый интерес для русского правительства в ка-

³¹ Архив кн. Воронцова, т. 31. М., 1885, с. 436.

³² Там же, с. 441.

честве базы, где подготавливалось национальное восстание греков против владычества Турции, в ослаблении которой Россия была очень заинтересована. Этими вопросами в основном и пришлось заниматься на итальянской земле С. Р. Воронцову и его советнику. Посредничество между греческой колонией эмигрантов и Венецианским правительством требовало большого дипломатического искусства и такта. Помощи же из России ожидать не приходилось. Здесь сказывалась и бюрократическая неразбериха, царившая в Коллегии иностранных дел, а возможно, и прямое недоверие к опальному посланнику. В письме к брату от 13/24 января 1785 г. С. Р. Воронцов горько жаловался: «По тому, как с нами обращаются, мы совершенно бесполезны, нас информируют только об указах, изданных в России, и не отвечают ни на одну из наших депеш, даже не устаивают уверить нас в сих получении. Если нас держат только для того, чтобы получать новости, немногим более свежие, чем в газетах, в этом случае можно было бы лучше сэкономить деньги императрицы и держать только агентов... Знаменитая инструкция, которую мне дали при отъезде в Венецию, создана лишь для того, чтобы вести меня в заблуждение, если б я не знал чувств императрицы».³³

Интересно отметить, что С. Р. Воронцов был, по-видимому, близок и с другими участниками державинского кружка. Об этом свидетельствует его многолетняя переписка с Н. А. Львовым.³⁴ Поэтому вполне вероятно, что еще в Петербурге он был осведомлен о взглядах издателей «С.-Петербургского вестника» и относился к ним с одобрением.

В 1784 г. С. Р. Воронцову наконец удалось добиться перевода посланником в Англию, столь заманчивую для ее давнишнего поклонника. Как только вопрос об отъезде в Лондон был решен, он настойчиво писал одно за другим письма к А. А. Безбородко и к брату с просьбами добиться того, чтобы вместе с ним перевели в Англию и Г. Л. Брайко.

В январе 1784 г. С. Р. Воронцов обращался к канцлеру: «...я столько имею причин быть довольным Григорием Леонтьевичем Брайко, что мне весьма прискорбно будет с ним расстаться. Затем прошу Вас сделать мне действительное одолжение не разлучать меня, если меня переведут в другое место. Как он по именному указу определен в Венецию, то Коллегия перевести его не может, затем-то и прошу Вас: Вы одни мне можете помочь в сем деле, которое мне весьма нужно, и коим меня паче всего обяжете».³⁵

А через год, в начале 1785 г., он снова писал: «Кончая мое служение, я осмелился рекомендовать господина Брайко <...> который мне был в великую помощь. Препоручаю его в Ваше по-

³³ Там же. т. 9, с. 19—23.

³⁴ См.: ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, д. 714.

³⁵ Архив кн. Воронцова, т. 16, с. 173.

кровительство, как человека, который заслуживает Вашу заступу».³⁶

Чуть ли не в каждом письме к брату С. Р. Воронцов напоминал о Брайко: «Мне так важно иметь возле себя Брайко, что я уверен, Вы окажете мне дружбу, если это только будет возможным доставить мне это удовлетворение <...> (Место посланника в Америке, — *И. М.*) было бы наградой для Лизакевича, а я имел бы тогда на его место Брайко. Если возможно, только Вы сможете это сделать, и Вы меня невыразимо обяжете».³⁷

Однако выполнить эту просьбу было совсем не просто. «...на первый случай тому пособить не можно, а когда я увижу возможность, то постараюсь, чтобы к Вам Брайко перевели; я бы и для Мишеньки (сына С. Р. Воронцова, — *И. М.*) желал, чтоб он у него мог по-русски впредь учиться», — писал в ответном письме А. Р. Воронцов.³⁸

После отъезда С. Р. Воронцова в Лондон Брайко с 19 июля по 16 декабря 1784 г. был аккредитован при Венецианском правительстве в качестве поверенного в делах.³⁹ Петербургские недруги не забыли о нем. Когда новым русским посланником в Венецию выехал А. И. Криденер, они поспешили «дурно рекомендовать» ему Брайко, «хуже самого изверга».⁴⁰ Правда, благодаря всем тем же Воронцовым все уладилось, и барон Криденер был «очень учтив» со своим советником. Казалось бы, печальный опыт должен был научить Брайко осторожности, и все-таки, сообщая С. Р. Воронцову 9 января 1785 г. (28 декабря 1784 г. по старому стилю) в Лондон о восстании румынских крестьян в Трансильвании, он не мог удержаться от смелых суждений о причинах их возмущения против иноземных феодалов: «...последние два номера гамбургских газет содержат в себе страшное описание разорений, производимых в Семиградской земле мятежниками, коих число полагают до 15 тысяч. Судя по помянутому описанию *сии должны быть очень раздражены помещиками тамошними*, ибо они одних их искореняют, не различая ни возраста, ни пола».⁴¹ Одинокю тянулись дни опального литератора на чужбине, вдали от родины, от друзей. «Теперь я совершенно оскудел северными новостями, — жаловался он в письме к С. Р. Воронцову 8/19 февраля 1785 г. — Никто ко мне оттуда ничего не пишет».⁴²

³⁶ Там же, т. 9, с. 423.

³⁷ Там же, с. 5—6.

³⁸ Там же, т. 31, с. 441.

³⁹ Архив внешней политики России, ф. «Внутренние коллежские дела», д. 6576 (1770—1796 гг.), л. 18—20, ср.: Представление графа С. Р. Воронцова правительству Венецианской республики (1785 г.). — В кн.: Архив кн. Воронцова, т. 9, с. 402.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 5.

⁴¹ Там же, л. 11. (Курсив мой, — *И. М.*). Только после кровопролитных боев австрийским войскам удалось подавить это восстание, во время которого были сожжены 264 дворянские усадьбы.

⁴² ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 27 об.

И снова в марте 1785 г. С. Р. Воронцов писал брату: «Посылаю Вам письмо бедного Брайко. Вы увидите, что он очень просится уехать из Венеции и, если есть возможность поместить его куда-нибудь, лщцу себя, что Вы будете иметь милость сделать это. В отношении Парижа это невозможно, он разорится на квартиру, стол и одежду. Если б он был один, это еще бы куда ни шло, но он женат и у него двое детей (сын Михаил и дочь Ева, — *И. М.*). Если бы была надежда перевести его в Лондон, он будет терпеливо ждать».⁴³

Распрощавшись с надеждой добиться перевода Брайко в Лондон, его влиятельный друг предпринял последнюю попытку хоть чем-нибудь ему помочь и просил брата: «Бедный Брайко пишет мне, что он готов отправиться в Россию и вся его надежда на Вашу протекцию. Так как Вы знаете лучше меня все заслуги этого человека, я Вам скажу только, что, живя с ним, я нашел его чрезвычайно честным человеком. Я убежден, что Вы позаботитесь о нем и что он не обманется в своих ожиданиях».⁴⁴

Наконец хлопоты старшего Воронцова увенчались успехом, и Брайко с чувством искренней благодарности писал Семену Романовичу: «...я ему (т. е. Александру Романовичу, — *И. М.*) всем одолжен; он всегда меня жаловал и ныне милостиво призывает на меня; вся моя надежда и упования на его и на Вашего сиятельства милости, полезные коих действия я опытом дознал. Я имею, милостивый государь, сердце и душу, умеющие истинно ценить ваши ко мне благодеяния. Коему я предан, тому прямо предан, хотя ниц и сир, но стяжал благородный образ мыслей, которым не устыжусь хвалиться пред целым светом; приписывающий мне иной чувствительно обидит меня».⁴⁵ 4 мая 1787 г. он уже писал А. Р. Воронцову из Петербурга, посылая ему «для апробации» свой «российский перевод обще с подлинником» заключенного в Киеве торгового договора России с Францией. С одобрения Воронцова он намеревался отдать этот перевод в печать.⁴⁶

Однако в России Брайко пробыл недолго. 30 августа 1789 г. последовал новый указ: «Ее императорское величество высочайше указать изволила на очистившееся смертью статского советника Г. И. Полетики (давнего приятеля и корреспондента Брайко, — *И. М.*) при Венской миссии место советника посольства отправить из Коллегии иностранных дел находящегося в оной обер-секретарем канцелярии советника Брайко <...> Граф Иван Ос-терман».⁴⁷

⁴³ Архив кн. Воронцова, т. 9, с. 30.

⁴⁴ Там же, с. 44.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 17 об.—18. В своих письмах к А. Р. Воронцову Брайко называл его не иначе, как «милостивым благодетелем», себя же именовал «дышущим одними милостями Вашего сиятельства человеком» (там же, л. 1, 2).

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 30.

⁴⁷ Архив внешней политики России, ф. «Внутренние коллежские дела», оп. 2/6, д. 3140, л. 1—2. 26 сент. 1786 г. за долголетнюю службу Брайко

О дипломатической деятельности Г. Л. Брайко в Вене почти ничего не известно. Из его нескольких писем этого периода к русскому наместнику в Польше, писателю и переводчику Я. И. Булгакову, с которым Брайко был близко знаком с давних времен, явствует только, что он содействовал Булгакову в пополнении его замечательной библиотеки и коллекции картин (погибших во время пожара Москвы в 1812 г.).⁴⁸

В Россию Брайко больше не вернулся. Летом 1793 г. он умер в столице Австрии, оставив жену, двух малолетних сыновей и двух дочерей без средств к существованию, «в сущем сиротстве». ⁴⁹ Однако Екатерина II не захотела помочь семье опального литератора. «Малое имущество покойного мужа моего, — писала Анна Ивановна Брайко 29 декабря 1796 г. в прошении к Павлу I, — трудами и крайней бережливостью нажитое, не на долгое время послужило для содержания всего немалого семейства нашего. Удовлетворяя обязанностям матери, пекущейся о благосостоянии детей своих, жертвовала я охотно собою и в сем намерении вступила в партикулярное служение для надзирания за детьми, надеясь тем самым своим доставить пропитание; но, к несчастью, по слабости моего здоровья в сем предприятии не могла успеть, и, наконец, испытав троекратно утруждать всеподданнейшими прошении блаженную и вечной славы достойную памяти государыню императрицу, родительницу Вашего императорского величества о изъявлении монаршего мне и семейству моему милосердия, удостоверилась, что единственно несчастью моему приписать я должна лишение меня щедроты и милости ее величества». ⁵⁰ Указом Сената в 1797 г. А. И. Брайко было пожаловано имение, а ее сына Михаила приняли на казенный счет в кадетский корпус. ⁵¹

был пожалован орден св. Владимира 4-й степени (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето Р. X. — 1792-е. СПб., 1792, с. 36; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р. X. — 1793-е. СПб., 1793, с. 38).

⁴⁸ См. письма Г. Л. Брайко к Я. И. Булгакову из Вены от 22 июня/3 июля 1790 г. и 16/29 сентября 1791 г. — Отдел рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 41 (Булгаковых), папка 7, № 38, л. 1—3. Брайко и раньше, в Венеции, много содействовал в пополнении коллекций книг, картин и эстампов Воронцовым и другим своим вельможным друзьям и покровителям. Правда, сначала он пытался отказываться от таких поручений, просил А. Р. Воронцова «не переводить деньги на покупку картин, ибо, не будучи знаток в них», боялся ошибиться в выборе. Но потом он, по-видимому, стал вполне сносным ценителем старой живописи (см.: ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 4, 5, 7, 9, 10, 14 об., 22 об.—23, 24 об., 25).

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 37022, л. 1—2. Заметим, что еще в Венеции Брайко долго и тяжело болел (см.: там же, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 16, 24).

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 37022, л. 1—2.

⁵¹ Архив Государственного Совета. Т. IV. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента гражданских и духовных дел. СПб., 1892, стб. 655; ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 40151, л. 1—3.

Непродолжительное участие в литературной жизни России, долгое пребывание за границей, недоброжелательство властей и обусловили, вероятно, тот факт, что на полтора столетия имя Г. Л. Брайко было предано забвению. Конечно, и теперь в его биографии есть еще очень много неясного. Но и те материалы, которые удалось обнаружить, свидетельствуют, что редактор одного из интереснейших русских журналов XVIII в., талантливый переводчик, критик, историк и дипломат Григорий Леонтьевич Брайко заслуживает памяти потомков.

«Мы желали положить, — писал он, обращаясь к читателям «С.-Петербургского вестника» в ноябре 1778 г., — основание делу, которое люди, счастливее и сильнее нас, приведут когда-нибудь в надлежащее совершенство, ибо несомненно, что после нас будут времена, в которые русские журналы и другие на сем языке сочинения в аглинских, германских и французских городах читаться станут так, как ныне иностранные читаются в российских» (ч. II, с. 408).